
IN MEMORIAM

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ КОРОСТЕЛЕВ

(11 января 1959, Прокопьевск — 20 марта 2020, Москва)

20 марта 2020 г. ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев, главный редактор нашего журнала, заместитель директора ИМЛИ РАН по научной работе, руководитель «Литературного наследства».

Вряд ли читатель «Литературного факта» нуждается в растолковании, кем был этот исследователь-публикатор и что значил его труд для источниковедения отечественной словесности XX века, документирования истории русского зарубежья, деятельного воскрешения культурной памяти минувшего столетия, гуманитарного книгоиздания в России. Сделанное им впечатляет. Замысленное — восхищает. Сам факт его ухода — столь рано, на пике, в фазе творческого «акмэ» — не вмещается в сознание. Когда после кончины ученого невозможно смириться со списком не изданных, не написанных им книг, это красноречивое свидетельство пробы его профессионализма. Личностная широта О.А. Коростелева позволяла сочленять «манию

собирательства», родовое свойство мастеров «архивной филологии», с не столь частой для представителей этого цеха щедростью. Собрал гигантский материал, достойный незаурядного государственного хранилища, он с готовностью им делился. И щедрое оставил свое «литературное наследство»...

Ниже собраны свидетельства об О.А. Коростелеве как ученом и человеке — в избранных откликах на его кончину и кратких мемуарных очерках друзей и коллег. Примечательно, что в них мастер своего дела и человек неотделимы друг от друга. А человек — для кого-то порой «застегнутый», закрытый — предстает улыбчивым и свойским, в игре граней «живой жизни». Не звучат здесь только протокольные, формальные слова. Был бы диссонанс. Не их контекст. Не та «стилистическая валентность» личности.

Совсем не та.

В. Полонский

Венок от Бунинской группы

Ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев.

Эта ужасающая весть всех нас, знавших его, ошарашила, застала врасплох. В голове не укладывается: его — жизнерадостного, энергичного, полного замыслов и проектов — больше нет с нами.

Как выразить то, что мы испытываем? Ведь эта утрата действительно невозполнимая. Мы в известном смысле — осиротели.

Вся жизнь Олега Анатольевича, масштаб его личности, круг его научных интересов опровергают расхожее мнение, что «незаменимых нет». Еще как есть — и в случае Олега Анатольевича это особенно ясно.

Поразительно, сколько всего знал и чем только не интересовался Олег Анатольевич. Литература, история, политика, кинематограф, издательское дело, культура русского зарубежья... Недаром сборник статей в честь его 60-летнего юбилея был озаглавлен «Emigrantica et cetera». Очень правильное заглавие.

Это был пытливый исследователь, ученый широчайшего профиля: литературовед, архивист, библиограф, источниковед, текстолог, историк литературы... Количество архивных материалов российского и зарубежного происхождения, которые он нашел, опубликовал, прокомментировал, не поддается счету. При этом он успевал заниматься преподавательской деятельностью, руководить целыми отделами — и в Доме русского зарубежья, и в Институте мировой литературы...

Оставленное им наследство — бесценно: это научно-источниковедческие сайты (www.emigrantica.ru, www.ivbunin.ru и др.), которыми охотно

пользуются российские и зарубежные исследователи, научный журнал, научные серии... Все это непременно надо сохранить. Все это должно жить и после Олега Анатольевича, в том числе как память о нем...

Можно долго перечислять научные проекты, инициатором и/или участником которых он был. Один из таких проектов — «Академический Бунин». De jure он возник сравнительно недавно — 3–4 года назад, но de facto существует уже более 15 лет. Он вобрал в себя целый ряд научных исследований, осуществлявшихся поначалу независимо друг от друга, но со временем слившихся в единый буниноведческий процесс.

Мы не преувеличим, если скажем, что прорыв в современном буниноведении стал возможен именно благодаря Олегу Анатольевичу.

Он был ответственным редактором альманаха «Диаспора. Новые материалы», в первых трех выпусках которого была опубликована полностью переписка И.А. Бунина с Н.А. Тэффи и многие другие ценные архивные материалы русского зарубежья.

Он (совместно с Р. Дэвисом) был редактором-составителем и издателем научной серии «И.А. Бунин. Новые материалы».

Под его редакцией вышел четырехтомный труд «“Современные записки”, Париж, 1920–1940. Из архива редакции», где Бунину уделено немало внимания.

При его содействии велась работа над продолжением «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» эмигрантского периода.

Он возглавил исследовательскую группу, приступившую к подготовке 110-го тома (в 4-х книгах) серии «Литературное наследство» — «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования» (1-я книга этого тома увидела свет в 2019 г., работа над 2-й близка к завершению — Олег Анатольевич успел ее прочитать и отредактировать).

Он же предложил составить еще один том «Литературного наследства» (тоже в 4-х книгах) — под названием «Вокруг Бунина», что и было сделано (материал вчерне уже распределен по будущим книгам).

Он выступил одним из инициаторов создания Бунинской группы, целью которой является подготовка первого научного Полного собрания сочинений И.А. Бунина.

При его, как говорили в старину, «ближайшем участии» в рамках проекта по гранту РНФ «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология» был создан научно-источниковедческий сайт «Академический Бунин», начала выходить новая научная серия книг «Академический Бунин» (при жизни Олега Анатольевича вышло два выпуска).

Это далеко не полный перечень того, что Олег Анатольевич успел сделать. И сколько бы сделал еще, если бы не внезапная кончина... Теперь то, что он не успел, предстоит сделать нам.

Работы будет много: Олег Анатольевич оставил нам целое море материалов, тем, сюжетов, идей, замыслов...

Трудно себе представить — как мы будем теперь жить, работать без Олега Анатольевича, без его помощи и советов. Да, мы осиротели.

Светлая память нашему дорогому другу и коллеге Олегу Анатольевичу Коростелеву.

В.В. Полонский, директор ИМЛИ РАН,
руководитель проекта РНФ «Академический Бунин».

А.Ф. Кофман, заместитель директора ИМЛИ РАН.

Члены Бунинской группы: *А.В. Бакунцев, Т.М. Двнятина,*
З.С. Закружная, Е.В. Кузнецова, С.Н. Морозов,
Е.Р. Пономарев, А.В. Протопопова, М.А. Фролов.
Р. Дэвис, заведующий Русским архивом в Лидсе

Бунинская группа; сидят: Е.А. Каганова, З.С. Закружная, Т.М. Двнятина, М.С. Щавлинский, Е.Р. Пономарев; стоят: А.В. Бакунцев, О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. ИМЛИ, ноябрь 2018. Фото К.В. Анисимова.

Реквием

20 марта российское гуманитарное сообщество понесло невосполнимую утрату — ушел из жизни Олег Анатольевич Коростелев, филолог, архивист, один из крупнейших исследователей истории литературы русского зарубежья. Масштаб его деятельности иной раз был сравним с достижениями отдельных филологических коллективов. Он успешно справлялся с организаторскими задачами, его скрупулезная редакторская работа была нацелена на достижение полноты и точности историко-литературного знания, а кредо его короткой, но насыщенной смелыми начинаниями и плодотворными итогами жизни состояло в неутомимом восполнении «пустот» в истории литературы зарубежья.

Олег неустанно трудился ради высокой гуманитарной идеи вернуть в российское культурное пространство множество вытесненных из него имен, но, в силу присущей ему сдержанности и скептического отношения к тому, что считал неуместным пафосом, не поощрял высокопарных разговоров и хвалебных слов по своему адресу. На первый взгляд, особенно людям посторонним, он мог показаться человеком достаточно закрытым, однако ему легко удавалось собирать вокруг себя единомышленников, разделявших его интересы и любовь к отечественной культуре. Совместная работа с Олегом всегда приносила радость открытий, он с готовностью откликался на любые просьбы о помощи в архивных разысканиях и с радостью поддерживал научную инициативу. И еще были общие научные пристрастия, любимые герои, реализованные и нереализованные планы, «встречи» в архивных листах использования и под одной обложкой и на многочисленных конференциях — российских, европейских, американских, запомнившиеся лаконичными и содержательными его выступлениями, а в свободные часы — неспешными прогулками и бескончаемыми разговорами.

Перечисление книг, подготовленных Олегом к изданию, заняло бы не одну страницу; в ряду наиболее известных — собрания сочинений Г. Адамовича и Д. Мережковского, мемуары Р. Гуля и В. Яновского, собрания стихов многих эмигрантских поэтов; четырехтомник литературной критики русской эмиграции; восемь из девяти томов альманаха «Дiaspora: Новые материалы», в буквальном смысле слова унаследованного Олегом от основателя — Владимира Аллая; знаменитый «Цветник», воплотивший историю творческого противостояния Г. Адамовича и М. Цветаевой; множество корпусов переписки эмигрантских литераторов. Его имя не только

неразрывно связано с такими значительными коллективными трудами, как «Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына», серии «И. А. Бунин: Новые материалы» и «Академический Бунин» и мн. др., но и служило гарантом качества этих изданий.

Исключительно велики заслуги О. А. Коростелева как организатора научно-исследовательского процесса. В значительной степени благодаря его координационным усилиям осуществлено такое фундаментальное издание, как публикация переписки редакторов и авторов «Современных записок» – главного периодического органа русского зарубежья – в четырех томах; издание, играющее огромную стимулирующую роль для изучения русского литературного процесса в эмиграции. В последние годы жизни Олег Анатольевич руководил подготовкой новых томов «Литературного наследства», частично уже вышедших в свет, и явился инициатором издания приложений к «Литературному наследству» (серия «Библиотека "Литературного наследства"»); он же стал главным редактором нового историко-литературного журнала «Литературный факт», уделяющего основное внимание источниковедческим изысканиям и публикации архивных материалов, — именно в этих сферах исследователь проявлял наивысшую творческую активность.

Огромна роль нашего коллеги в создании информационных электронных ресурсов («Эмигрантика» и «Русское зарубежье: Сводный каталог периодики русского зарубежья») и источниковедческих изданий по периодике эмиграции. Можно с уверенностью утверждать, что научное наследие нашего коллеги уже при его жизни прочно вошло в золотой фонд российского и мирового эмигрантоведения и, несомненно, послужит не одному поколению исследователей.

О научном подвижническом служении Олега можно сказать словами его любимого писателя Георгия Адамовича: «Вот, значит, в чем был “подвиг”... В желании помянуть добрым словом все то, что сделано было русской литературой в эмиграции».

Олег Коростелев ушел из жизни трагически рано, на 62-м году, в самом расцвете творческих сил, не успев осуществить многое из задуманного, порадоваться новым книгам и новым людям.

Нам, знавшим его и работавшим с ним, будет очень его не хватать. Большое ему спасибо за встречи, разговоры, сотрудничество, за научную и человеческую щедрость, и светлая память!

Петербургские филологи — *К.М. Азадовский,
В.Е. Багно, А.М. Грачева, О.Р. Демидова,
А.В. Лавров, Е.Р. Обатнина, М.М. Павлова*

ВСПОМИНАЮТ КОЛЛЕГИ

Каминный зал ИМЛИ, ноябрь 2019. Фото Манфреда Шрубы

Андрей Бабилов

О. К.

Когда многие годы знаешь, что твой друг способен путешествовать во времени, перестаешь удивляться тому, что он, случается, надолго исчезает, отправляясь с какой-нибудь изыскательной целью в свои отдаленные области, к примеру, в Западную Европу 20-х годов, — разумеется, с соблюдением всех правил безопасности и созданием полной иллюзии своего физического пребывания в настоящем. Технически удобная точка Настоящего, в которую он возвращался, как в базовый лагерь, со всеми терабайтами постоянно пополняемых в странствиях данных, географически простиралась от Ногинска до Чикаго, однако где бы он ни находился, порядок его занятий мало отличался от тех, за которыми его можно было застать в его московском служебном кабинете, с неинтересным видом из окна и электрическим чайником на подоконнике. Как первопроходцу или археологу, вернувшемуся из экспедиции, ему было что рассказать и показать. Имена Бунина, Ходасевича, Варшавского, Ладинского или Адамовича звучали так, как если бы он оставил их в соседней комнате, да, впрочем, так и было. Извлеченную им из прошлого Диковинку сведущие люди рассматривали и передавали друг другу. У каждого его предмета была своя история и даже легенда. Затем он принимался свою Диковинку

описывать, и вскоре появлялась новая небывалая Книга — громадный свод корреспонденции, или том из большого собрания сочинений, или выпуск новых материалов. Казалось, ну теперь-то уж он проживет здесь, в настоящем, после такой-то махины в семьдесят печатных листов. Но незаметно и буднично уже шли приготовления к следующей экспедиции, подбирались снаряжение, подыскивались проводники, на карту наносились очередные слабо изученные пункты, еще пахнувшая типографией Новинка убиралась с письменного стола, и он вновь исчезал.

Из труднодоступных мест доходили вездесущие электронные письма; его подпись сообщала им невольный оптимизм, сколь бы неутешительным порой ни было их содержание, — он заканчивал их неизменным

*«Всего наилучшего,
ОК»*

— и на это ОК хотелось ответить машинальным «Окэй», как если бы используемая им формула вежливости была не абстрактным пожеланием, а настоятельным призывом.

Неутешительными бывали сообщаемые им промежуточные результаты его отчаянного единоборства со временем. Он часто одерживал победу и в общем зачете поднялся выше всех, кого я знаю, но замыслов, забот, задач становилось все больше, а дней в году не прибавлялось.

Письмо могло быть таким (от 27 марта 2014 года):

Дорогой Андрей!

Адамович был прежде всего критиком, поэтому основной объем в его наследии занимают критические статьи (с дюжину томов нормального формата). Это и самое интересное. Помимо этого том эссеистики, томик стихов, три тома писем. Воспоминаний как таковых Адамович не оставил, но написал ряд некрологически-мемуарных текстов и часто вставлял в свои критические статьи интересные фрагменты мемуарного характера. В принципе, эти фрагменты можно собрать в том и назвать это мемуарами.

В настоящий момент проблема заключается скорее во времени. По завершении проекта по «Современным запискам» мы с Манфредом [Шрубой] затеяли следующий, «Псевдонимы русского зарубежья», которым активно и занимаемся. Кроме того, параллельно у меня идут еще несколько проектов, в том числе грантовые: бунинский том «Литературного наследства», «Сводный каталог периодики русского зарубежья», тома Д. Мирского и Б. Шлёцера, том масонских докладов русского Парижа, томик эпистолярия из архива Ринальдо Кюфферле и ряд более мелких публикаций. Но самое главное, в новоиспеченный Российский научный фонд подано пять заявок, и если он поддержит хотя бы одну-две, больше времени ни на что не останется в ближайшие три года.

Мой питерский издатель уже предлагал мне подготовить эпистолярный Адамовича, и это, конечно, надо сделать, но когда, не знаю. Обычно хорошо подталкивают гранты (там четкие сроки) или соавторство (тогда неудобно долго откладывать). Если бы появился фонд, способный заинтересоваться Адамовичем, дело бы пошло быстрее.

На днях А.И. Рейтблат еще уговаривал подготовить что-нибудь для его мемуарной серии «НЛО», и у меня есть ряд планов на этот счет (Терапиано, Хирьяков, Кондратьев, Татьяна Высоцкая [сестра Г.В. Адамовича], да можно и Адамовича сюда же), но я ему уже ответил примерно в том же духе, что охотно займусь чем угодно в компании или под грант, но в одиночку быстро обещать не могу (может, получится через пятилетку, а может, через две).

*Всего наилучшего,
ОК*

«И ряд более мелких публикаций...» Прибавить к этому создание всего два года спустя толстого научного журнала «Литературный факт»? Двух новых научных серий — «Библиотеки Литературного наследства» и «Академического Бунина»? Выступления на конференциях, работу в зарубежных архивах, чтение лекций и доцентуру в Институте международных отношений? Составление комментированного собрания сочинений Г. Адамовича в восемнадцати томах? Наконец, службу в Институте мировой литературы? Как такое возможно? И кто он? Химик-биолог, окончивший естественно-географический факультет Новосибирского университета и выросший в шахтерском Прокопьевске? «То есть гуманитарии могут не знать не только, как устроено электричество или гены у человека, а какие-то совершенно банальные вещи: они не понимают, что такое белок, как устроена жизнь человеческая» (из интервью Ивану Толстому 9 июня 2013 года).

При всем своем трезвом научном взгляде на вещи он не мог не понимать, что в его жизнь проникло какое-то волшебство, сила которого вынесла его сначала в Новосибирск, потом в Москву, потом на стажировку в Лос-Анджелес, потом во все главные научные центры планеты — значительно, о, значительно дальше любых вероятий и чаяний, эвристически говоря. Случись в Антарктиде какой-нибудь архив или склад ветхой эмигрантской периодики, он бы и туда отправился в своем «походном» светлом костюме с записной книжечкой в кармане.

В своей неравной схватке со временем внешне неторопливый степенный Олег применял все мыслимые приемы — ничего не делал так, чтобы убить время, для восстановления концентрации переключался на другое задание, строго размечал свои планы не на год-два, а на пятилетку-другую, дав фору времени в шесть-семь ночных часов, принимался за работу ни свет ни заря, стремительно наверстывая отставание. Его труды и дни наглядно утверждали ницшевское «Когда имеешь многое вложить, у дня находятся сотни карманов», и, видя его по утрам сидящим у письменного стола, задолго до

завтрака, в номере нью-йоркской гостиницы, который мы делили летом 2018 года, отправившись в поездку по нескольким американским архивам, я всякий раз отмечал его способность мгновенно уйти с головой в прерванную (пусть на другом континенте и полгода тому назад) работу — в составление комментариев, для завершения которых требовалось вставить только вчера отысканную, наконец, деталь, без которой весь механизм крутиться не будет, в заполнение библиографических лакун, уточнение хронологии, в правку корректур... А потом за простым завтраком в манхэттенском кафе он мог рассказывать какую-нибудь забавную историю из времен «дикого капитализма», когда он был владельцем книжного магазина и редактором нескольких глянцевого журналов, или живо интересоваться сюжетом новой картины, которую не успел посмотреть и название которой быстро записывал среди прочей занятой ваги в свою книжечку для будущего (вероятного, маловероятного) просмотра.

Одно такое утро почему-то запомнилось лучше других. Быть может, потому, что в тот день случайно прозвучала та трагическая нота, которая теперь, после оглушительной смерти Олега, наполнилась для меня особым отзвуком. Мы направлялись из гостиницы в Бахметевский архив Колумбийского университета, решив пройти до него от Верхнего Вест-Сайда по Центральному парку пешком, чтобы загодя нагулять аппетит перед целым днем архивной работы.

Накрапывало, полаивали собаки, посвистывали хозяева, спустившие их с поводков, в верхней части Парка, примыкающей к Гарлему, становилось заметно пустынно и неуютно. Говорили «о разном», сравнивали здешнее городское устройство с московским, было душно и далеко, Парк все не кончался, и в возникшей паузе Олег задумчиво и удрученно, как бы суммируя исчерпавший себя обмен мнениями и еще что-то, не упомянутое, но подразумеваемое в разговоре, процитировал Ходасевича: «Все высвистано, прособачено...»

Не знаю почему, хотя так нередко случается в жизни, но эта строчка и особенно эта интонация как-то по-новому, будто совсем впервые, поразили меня. Поразил не собственно смысл, даже не употребленная поэтом глагольная редкость и не сквозняк из эмигрантского прошлого, который и без того всегда ощущаешь в силу профессиональной аберрации восприятия любого западного ландшафта, не напоминание о горькой концовке стихотворения — «Пока не вздрогнет сердце, схвачено / Внезапным треском жалюзи», — не мысль, что «Мир снова оказался наг и убог, человек — мал и слаб» (как О.К. писал в своей статье о Ходасевиче в незапамятном 1992 году).

Они поразили меня потому, что открыли в давно знакомом человеке другое измерение, о существовании которого не догадывался не только я.

А.В. Бакунцев

ЕГО ПОХВАЛА ДОРОГОГО СТОИЛА

О смерти Олега Анатольевича мне сообщил в тот же день, 20 марта, Сергей Николаевич Морозов. Я читал его письмо в электронной почте и не верил глазам. Как, по словам Сергея Николаевича, сначала не мог поверить этому известию и он, увидев некролог на сайте ИМЛИ.

Впервые я увидел Олега Анатольевича 11 лет назад, в феврале 2009 года, на кафедре литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ. В тот раз я впервые участвовал в большой научной конференции, проводимой на журфаке регулярно («Журналистика в таком-то году»). Секция, на которой я собирался выступить (со своим первым в жизни сообщением о Бунине), была посвящена литературе и журналистике русского зарубежья. До ее начала заведующий кафедрой — профессор Николай Алексеевич Богомолов — разговаривал с каким-то человеком — высоким, худощавым очкариком, державшимся очень (даже как будто нарочито) прямо, отстраненно, замкнуто, казавшимся чопорным и надменным. Таким же он оставался и во время заседания секции. Тогда-то я и услышал впервые его имя: Олег Анатольевич Коростелев.

Затем, по воле судьбы, мы в течение шести лет были «сослуживцами»: в 2011 году меня приняли на работу по совместительству в Дом русского зарубежья (ДРЗ), где Олег Анатольевич заведовал отделом литературы и печатного дела. Может быть, оттого, что я числился в другом отделе — в отделе культуры российского зарубежья, — мы с Олегом Анатольевичем «сталкивались» и «пересекались» в ДРЗ крайне редко. Тем не менее его влияние на мою научную карьеру было гораздо более значительным, чем мне тогда представлялось. Ведь благодаря и его голосу («за» — на заседаниях редколлегии «Ежегодника ДРЗ») увидели свет мои самые крупные (покуда) статьи и публикации — о Бунине и не только.

В первые годы нашего — в сущности, шапочного — знакомства мне казалось, что Олег Анатольевич весьма скептически относится ко мне как исследователю. При наших редких встречах он был немногословен, держался, как всегда, замкнуто и прохладно. Но вот, в 2012 году, я подготовил для очередного выпуска «Ежегодника ДРЗ» подборку хранящихся в Архиве ДРЗ писем таллинского литератора Ю.Д. Шумакова к Л.Ф. Зурову. На заседании редколлегии, посвященном этому выпуску, среди прочего, обсуждалась и подготовленная мною эпистолярная подборка. Моя тогдашняя начальница — заведомо культуры ДРЗ Татьяна Вячеславовна Марченко рассказывала потом, что Коростелев отозвался

о моем материале так: «Письма неинтересные, но комментарий сделан профессионально». Надо ли говорить, как меня — в ту пору еще совсем малоопытного публикатора — удивили и в то же время обрадовали, открылили эти слова? Ведь они дорогого стоили. В моих глазах (да, наверное, и не только в моих) Олег Анатольевич был настоящим «зубром» в области публикаторства.

Но еще больше он меня удивил и обрадовал, когда пригласил печататься в «Литературном факте». Он уже был замдиректора ИМЛИ, заведующим отделом «Литературного наследства». (Его уход из ДРЗ озадачил и огорчил многих наших общих знакомых и коллег. Но новый пост, несомненно, в большей степени соответствовал масштабу его личности.)

С переходом Олега Анатольевича в ИМЛИ начался новый этап в нашем личном и деловом общении. Взаимоотношения стали более теплыми и доверительными, сотрудничество — более тесным. В 2017–2019 годах я опубликовал в «Литературном факте» четыре статьи, подготовил довольно крупную публикацию для нового бунинского тома «Литнаследства». В 2018 году Олег Анатольевич вошел в состав возглавляемой мною группы для реализации проекта по гранту РФФИ «Подготовка книги “И.А. Бунин. О литературе и революции. Статьи, заметки, рецензии, речи, ответы на вопросы анкет (1911–1953)”».

Во время нечастых встреч мы с ним говорили о вероятности/желательности моего участия и в других проектах, уже не связанных с Буниным; а еще Олег Анатольевич предлагал выпустить в издательстве «Литфакт» какую-нибудь, небольшую по объему книгу. Польщенный этими предложениями, я обещал подумать, но, увы, при жизни Олега Анатольевича воспользоваться ими не успел.

Внешне, особенно, как я уже говорил, при первом впечатлении, он казался очень замкнутым и надменным. Но на самом деле он был очень тонким, трогательным, ранимым, очень чистым и сердечным человеком — пожалуй, одним из лучших среди тех, с кем меня сводила жизнь.

Улыбался он, на моей памяти, нечасто, но очень светло. А если начинал смеяться, то смеялся искренно, заразительно. Не смеялся, а хохотал...

Помню: на научной конференции в Таллине в 2018 году посреди чьего-то доклада вдруг раздались начальные звуки мелодии, которую не спутать ни с какой другой — увертюра к сериалу «Ликвидация»... Обычно в таких случаях на нарушителя академической благовоспитанности если не шикают, то неодобрительно оглядываются. Я тоже обернулся на эти звуки, от которых у меня всегда перехватывает дыхание. Оказалось, что это зазвонил мобильник Олега Анатольевича. И в эту минуту в моем отношении к нему опять произошел некий «сдвиг» — он стал для меня по-человечески как-то ещё ближе и трогательнее: ведь он тоже, как и я,

*Москва, Дом русского зарубежья, октябрь 2014.
С Манфредом Шрубой и Марией Васильевой. Фото Ф. Шульмана*

любил «Ликвидацию»! И даже, может быть, сильнее, раз поставил себе на телефон музыку из нее...

В последний раз мы с ним виделись в ноябре прошлого года, на конференции в ИМЛИ, посвященной П.М. Бицилли. Я смог прийти только к вечеру, к окончанию докладов. Очевидно, Олег Анатольевич целый день, с самого утра, провел в институте, присутствовал на заседаниях, но, несмотря на это, был бодр и совсем не выглядел усталым. Он попросил меня подыскать рецензента для свежего, только что вышедшего сборника «Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте», и я прямо там же, на конференции, такого человека нашел...

А 4 марта мы с ним списывались в мессенджере — как оказалось, тоже в последний раз. Обсуждали наш грант, план работы группы в нынешнем году, Олег Анатольевич дал мне кое-какие советы и «наводки» насчет того, в каком из «высокорейтинговых» журналов можно было бы напечатать нашу совместную с ним и Сергеем Николаевичем Морозовым статью... Как говорится, ничто не предвещало беды: тон его сообщений был, как обычно, бодр и одновременно спокоен... Не было ни малейших сомнений, что все задуманное осуществится. Но вышло иначе...

А нам еще столько всего предстояло сделать вместе...

Мария Васильева

Короткое лето 2017-го

Впервые с Олегом Коростелевым нас свел литературный факт. Это было еще в 1996 году, во время подготовки тематического номера «Литературного обозрения» об эмигрантском журнале «Числа», где Олег опубликовал статью «Комментарии к “Комментариям”» — конечно, о Георгии Адамовиче. Была потом и совместная работа над архивом Владимира Варшавского, и подготовка комментированного «Незамеченного поколения» (М., 2010), и соавторство в статьях. Был научно-популярный семинар «Русское зарубежье: Неизвестные страницы», который мы вели вместе с Олегом в Доме русского зарубежья с 2013 года. Несколько лет мы вместе работали над проектом «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: Энциклопедия» (М., 2019).

Но память настойчиво переводит литературный факт на второй план и прочно помещает самого героя — на первый. Что ни говори, а сам *факт* общения с Олегом Коростелевым был событием, и трудно теперь отделить литературу от контекста, в котором плотно переплетены разные события, темы и сюжеты.

Наше настоящее общение началось далеко не с «Чисел». Как-то мы ехали вместе в аэропорт Шереметьево, чтобы принять участие в женеvской конференции «Русские писатели в Париже» (2005). Слово за слово речь зашла о кино. Олег тогда, если не изменяет память, говорил о Тарковском. Потом перешли к современным фильмам, и я упомянула «Унесенные призраками» Хаяо Миядзаки. «Аниме, значит, любите?» — осведомился Олег с деликатной усмешкой. «Шедевр!» — настаивала я. Лицо Коростелева стало непроницаемым, дальше он тему развивать не пожелал, однако достал из кармана блокнотик и сделал помету. Через некоторое время по возвращении из Женевы мы снова пересеклись. «Я посмотрел всего Миядзаки», — с торжествующим видом заявил Олег и победоносно поднял указательный палец. Это было, видимо, «иду на *ты*». Кинематограф Олег, действительно, любил и блестяще знал. Думаю, он решил, что я тоже неплохо разбираюсь в кино и что наши вкусы отчасти совпадают. Во всяком случае, мы одинаково восхищались «Дорогой» Феллини и «Похитителями велосипедов» Де Сика и честно признавались друг другу, что так и не одолели до конца «Матрицу». Благодаря Олегу Коростелеву я открыла целый мир кинематографа девяностых. Эта эпоха мне казалась непоправимо гиблой, я была уверена, что в «переломные годы» одномоментно обрушилось

и захирело всё, что было создано в отечественной культуре, в том числе и в кинематографе. Олег в ответ надиктовал список фильмов и первым делом посоветовал посмотреть «Облако-рай» Николая Достая. Потом за чашкой чая мы наперебой цитировали оттуда реплики: «Если б ты зонтик купил, мы бы уже давно знали», «Не во времени дело, а в пространстве», «Ты погуляй, обомни сарафан-то», «И вот на всем этом белом свете сидит наш Коля»... Меня всегда поражал талант Олега точно передавать интонации актеров. Дар перевоплощения, тонкий юмор, способность мгновенно растаять от живой беседы и располагающей обстановки мне казались неким парадоксом Олега Коростелева, обратной стороной его «фирменной» непроницаемости. «Предчувствие возможности содружества и братства», — так писал о Георгии Адамовиче Владимир Варшавский. Что-то похожее было и в беседах с Олегом. Это спонтанное «иду на *ты*» я ценю в общении с Коростелевым не меньше, чем нашу деловую переписку и дискуссии вокруг издания Владимира Варшавского, соавторство в журналах и совместное участие в международных научных проектах.

Пожалуй, самым большим парадоксом стал для меня кратковременный парижский сюжет 2017-го. Мне довелось бывать не раз в рабочих поездках с Олегом: около двух недель мы провели в Италии, где участвовали в конференции, посвященной эмигрантской периодике (2013), а заодно смогли побродить по Флоренции, Пизе и Риму; вместе довелось быть в Петербурге, Таллинне, Женеве и Монтрё — сильные впечатления, которые прочно осели в памяти основательным фундаментом. На их фоне спонтанная трехдневная поездка в Париж представляется мне чем-то «из ряда вон». Я до сих пор не могу понять, как Олег Анатольевич, график которого был расписан на много лет вперед, мог пойти на такую авантюру. Между тем решение ехать в Париж было принято молниеносно: мы безотлагательно купили посильные по цене билеты с пересадкой в Кишиневе и забронировали недорогую, но идеальную для навигации по городу гостиницу. Всё это происходило слаженно, словно «по щелчку». Наверное, почитатели Адамовича и приверженцы Парижской ноты назвали бы происходящее сговором «о самом главном». Идея пройтись по легендарным монпарнаским местам, сверить их «де визу» с архивными документами и мемуарами, свести адресные точки воедино в одну логическую картину и запечатлеть на фотокамеру была поддержана Олегом безоговорочно. Теперь я понимаю, какой это был подарок судьбы. Утром 23 августа в Париж направились мобильная команда из трех человек — Олег, я и наша коллега, фотограф Светлана Урбан. А вечером 26-го мы были уже в Москве. Потом из этого трехдневного опыта была создана интерактивная карта «Русский Монпарнас» для одноименной выставки, а со временем стал прорастать фундаментальный проект, который мы обсуждали с Олегом в феврале 2020-го и собирались претворить в жизнь.

Удивительная вещь — краткие поездки. Они напоминают чем-то комету, которая пролетает в мгновение ока, но оставляет за собой яркий след. Вот

и этот трехдневный вояж продолжает тянуть за собой длинный, ошеломительный шлейф воспоминаний. И сравнить даже не с чем. Мы со Светланой сразу поняли, что без Олега не справились бы априори. Просто потерялись бы в большом городе, наводненном тогда толпами мигрантов. Нестыковки у меня начались сразу по прибытии в Париж. Мы долго бродили вокруг стадиона в поисках остановки нужного автобуса, который я выискала в Интернете. Остановки не было. Я хлопала крыльями, размахивала расписанием автобусных рейсов («я же всё просчитала»), донимала прохожих. Олег терпеливо наблюдал за мной где-то с полчаса. Потом решительно остановил такси, погрузил нас со Светой в машину, и через 20 минут наша троица была в отеле. В тот же день после обеда в «Ротонде» мы штурмовали Монпарнас.

Утром следующего дня Олег ждал нас на рецепции. «Я просчитал все траектории», — сказал он, победоносно подняв палец. После моего провала мы доверились этим траекториям беспрекословно. Я называла адрес, Олег выстраивал маршрут, и мы неслись по улицам Парижа, за нами, щелкая затвором, летела Света. Я до сих пор не понимаю, как мы смогли столько успеть — так просто и не «на износ». Квадрат за квадратом мы осваивали русскую топографию бульваров Монпарнас, Распай и Пор-Рояль и прилегающих к ним улиц и переулков, провели немало времени на Кладбище Монпарнас, потом оказались в Латинском квартале и «пробили» кучу адресов вокруг площади Сен-Мишель. Освоили часть Правого берега. На следующий день поехали на метро, чтобы зафиксировать Ля Руш, здание Введенской церкви на Рю Оливье де Серр и дом, где находилась редакция журнала «Числа». Всего около сорока адресов. Легко. При этом мы нередко плутали в поисках какого-нибудь дома, то и дело оседали в легендарных монпарнасских кафе, жадно впитывая их атмосферу, вдоволь болтали, в том числе и о нашем любимом кино, травили анекдоты, валяли дурака. В Париже в те дни часто шли короткие ливни, и тогда мы снова оседали в кафе за чашкой кофе. И потом снова штурмовали город. «Мы были за Олегом Анатольевичем как за каменной стеной», — напишет мне после поездки Света Урбан. Точно. И еще мы чувствовали себя рядом с Олегом Коростелевым первооткрывателями, которые способны перевернуть мир, потому что рядом — точка опоры.

По возвращении в Москву я вскоре получила от Светы Урбан по электронной почте увесистые папки с фотографиями. Я и сейчас рассматриваю их с восхищением. Париж на этих фотоснимках предстает через «двойную» оптику, когда взгляд блестящего исследователя подхватывает и продолжает талантливый фотограф. Невероятный симбиоз. Кроме многочисленных видов улиц и домов там, конечно, есть и мы с Олегом. Я думаю, это лучшие фотографии Олега Коростелева. Почти в каждом из парижских снимков пролетает отсвет нашего общего настроения, радости, сговора «о самом главном».

Вот Олег победоносно поднимает руку на фоне адреса 280, *bd Raspail* — в этом здании в 1920-м обосновался Парижский комитет помощи русским писателям и ученым, именно сюда по прибытии в Париж в апреле 1924 года направились в поисках жилья Берберова и Ходасевич, а вечером того же дня при поддержке Комитета сняли комнату неподалеку по адресу 207, *bd Raspail*.

Вот Олег позирует во дворе адреса 21, *avenue du Maine*, где мы оказались сразу после очередного ливня. Удивительное место: ни души, мокрая листва сияет на солнце. Над нами нависает Башня Монпарнас, старый парижский дворик окружает агрессивный хайтек Авеню дю Мэн. А здесь время словно остановилось — художественные мастерские, стеклянные террасы, все увито виноградом, круглый деревянный стол стоит прямо под

деревом в окружении венских стульев... В начале 1912-го художница Мария Васильева основала здесь «Свободную академию». Здесь же прошла первая парижская персональная выставка Марка Шагала, сюда часто приходили Жорж Брак, Анри Матисс, Фернан Леже, Пабло Пикассо, Амедео Модильяни, Хаим Сутин...

Вот Олег в кафе Клозери де Лиля (171, *bd du Montparnasse*) — собранный, подтянутый, очень похож на

Георгия Адамовича. Замечательный фотоснимок. Столик, за которым сидит Олег, — весьма примечательный, с медными табличками «Аполлинер» и «Троцкий». В конце 1920-х в этом кафе стала собираться только что созданная литературная группа «Перекресток».

На одной из фотографий Олег на бульваре Распай, напротив гостиницы «Лютеция». Здесь в межвоенные годы проходили легендарные благотворительные балы прессы. Эти пышные собрания весьма остроумно описала потом Нина Берберова в «Курсиве...». Олег сейчас в образе — разводит руки, словно хочет сказать: «Гляньте, какая вокруг красота!» Красоты, прямо скажем, немного — «Лютеция» в 2017-м была закрыта на реконструкцию и целиком обросла строительными лесами и кранами. А вот Олег Коростелев смотрится на фоне сквера Бусико очень даже неплохо...

А на этом фото Олег в парадной Зала Научных обществ (8, rue Danton). Русские эмигранты облюбовали дом еще задолго до революции, а в межвоенные годы здесь выступали Иван Бунин, Дмитрий Мережковский, Константин Бальмонт, проходили вечера «Перекрестка» и «Чисел», «Современных записок» и «Зеленой лампы». Олег стоит напротив двух зеркал, которые, «взаимно искажая отраженья», создают тот самый магический коридор («игра ума, игра воображенья») — он словно уходит в бесконечность.

16 марта этого года мы довольно долго общались по телефону. Идея продолжить наши топографические разыскания нас вдохновляла. Судя по всему, Олег решил, что тогда, в Париже, мы прекрасно сработались и у нас всё получится и впредь. Это очень укрепляло мою веру в замысел интерактивной карты. Олег с радостью поддерживал проекты, в успех которых твердо верил. Это был закон «обратной силы». Проекты, в которых участвовал Олег, были обречены на успех.

Мы тогда говорили о разном — было еще немало вопросов, которые требовали каких-то активных совместных действий. Подготовка сборника по материалам конференции к 140-летию П.М. Бицелли — из их числа. В середине разговора Олег стал отвечать односложно. Видимо, он раздумывал, соизмерял свои силы. Сказал, что ложится в больницу и будет отсутствовать где-то месяц, а пока попросил меня разослать участникам конференции новое циркулярное письмо. 20-го марта Олега Коростелева не стало. Этот факт трудно осмыслить и принять. Мне до сих пор кажется, что мы не договорили о чем-то «самом главном».

Фото Светланы Урбан. (Париж, август 2017)

Татьяна Двинятина

* * *

Олега Коростелева я впервые увидела году в 2002-м, летом, на крыльце Рукописного отдела Пушкинского Дома. Они с Татьяной Борисовной Притыкиной, оба редакторы «Диаспоры», пришли уточнить какие-то сведения по архивным материалам, о них мы и говорили. Но Олег в тот раз больше молчал — у него вообще была эта удивительная особенность: долго молчать и потом моментально включаться, как только речь заходила о конкретных проектах, публикациях, комментариях... Всерьез наша общая работа началась в 2013 году, когда для бунинского тома «Литературного наследства» готовилась семейная переписка И. А. и В. Н. Буниных (769 писем за 1906–1947 годы). В самый глухой, тяжкий момент, когда работа казалась неподъемной, Олег сам, без просьб со стороны взял на себя комментирование наиболее сложных ее фрагментов. Подготовленный им тогда материал стал надежной базой для дальнейшего труда, и он был завершен, и вышел, — вклад Олега в него огромный.

В первый день утраты образ человека собирается, может быть, так ясно, как никогда прежде. В день его ухода прежде всего стала отчетливо видна рыцарственность Олега. Несгибаемая и невозмутимая, деловая и веселая одновременно, она превращала сотрудничество с ним в радость и внушала уверенность. Рядом с ним было нестрашно, и самые сумасшедшие, кропотливые, тяжеловесные проекты казались возможными и посильными. Он был опорой и стержнем, и пропуская работу через его руки, можно было быть спокойным, что она состоялась настолько полно, насколько это мыслимо сегодня. Завтра у нас такого критерия не будет.

Мы виделись на конференциях и «круглых столах» — и в Москве, и в Вене, и — что, конечно, наиболее памятно, — в Лидсе, летом 2016 года. Тогда благодаря любезному приглашению хранителя Русского архива и Бунинской коллекции Ричарда Дэвиса мы оказались в Лидсе вчетвером: О.А. Коростелев, С. Н. Морозов, Е. Р. Пономарев и я. За месяц была проделана без преувеличения колоссальная работа, которая заложила основу всем нашим будущим бунинским публикациям и продолжилась подготовкой бунинских книг «Литературного наследства», проектом «Академический Бунин», текстологическими штудиями и масштабными планами на будущее... Но живя в Лидсе бок о бок, мы говорили, конечно, не только об архивных материалах. Отвлекаясь от них, Олег чаще всего (так, по крайней мере, помнится) говорил о кино. Мгновенно вспыхивал, когда речь заходила о том или ином фильме. По его настоянию тогда же мы смотрели «Новый кинотеатр “Парадизо”» Джузеппе Торнаторе, непременно полную, режиссерскую версию — она здорово отличается от укороченной, конкурсной...

Так хотелось бы, чтобы и жизнь была полной, режиссерской версией, чтобы не было в ней таких сокращений и обрывов, которые настигли всех, знавших Олега, утром 20 марта 2020 года... В конкурсной программе он, несомненно, победил, но в режиссерской версии был иной, более глубокий и светлый смысл...

Михаил Ефимов

Помощной зверь

Умер Олег. И незачем еще раз — про безвременность и про «как-же-так». «Как же так?» Да *вот так*.

Разве что добавить: *так*, собственно, только и происходит. С Галушкиным — *так*. С Коростелевым — *так*.

«Вот тебе и “Литературное наследство”...» «Перекидной календарь некрологов».

И, пожалуй, не нужно *со слезой*: «покойник этого не любил».

Года два назад Олег написал мне: «У меня планов, кажется, слишком много, чтобы успеть воплотить хотя бы малую часть, но все остальное и вовсе не имеет никакого значения».

Это, конечно, не о трудолюбии Олега, воистину легендарном. Это о том, что только *дело* имеет значение.

Только — дело.

И не *желание сделать* дело, а — сделанное. В этом Олег разительно отличался от большинства окружающих, у которых всегда есть время верить в какое-то будущее, в котором они *успеют*.

Теперь, когда Олег умер, трудно не понять, отчего он так торопился.

Это, кажется, из Торо: «Мало что вы трудолюбивы! Над чем вы трудитесь?»

Олегу было над чем.

Он был не просто собирателем минувшего. Он был его хранителем. Он это сохраненное передавал тем, кто идет вслед за ним.

В этом *уже бывшем* он — во многом — был первооткрывателем. Потому в нем был азарт и охотника, и добытчика, и завоевателя. Добыча того стоила. И добычи было с избытком. И постоянный мотив Олега — вариации на тему «жатвы много, а делателей мало».

Олег, при соблюдении всех академических конвенций, не был академическим ученым. И дело тут не в темпераменте (он-то, в известном смысле, как раз подходил).

Олег занимался тем и теми, кто в эту «академическую» и «ученую» рубрики просто не помещались и, по правде сказать, в ней и не нуждались.

Георгий Адамович — это что? это чем, какими инструментами, уловлять? Как только Адамовича начинаешь формализовывать, он сразу превращается в кучку пепла. А что там горело? «Академически» этого не видать (как ни жаль, для кого-то).

И это ведь не с одним Адамовичем так. Олега и вообще тянуло к не-академистам, смешивающим жанры и нарушающим условности — тому же Мирскому, тому же Маркову.

Быть может, именно поэтому Олег исходил из принципа: «*Они* сами по себе — важнее всего того, что мы напишем о них».

И в этом было признание, мужественное и редкое, всей коренной разницы между *ними* — и нами.

Они — важнее нас и нашего. Потому лучшее, что мы можем сделать, помочь им — жить в читателях.

И Олег был, стал для них — и для тех, давно умерших эмигрантов, и для их читателей — помощным зверем.

Олег однажды написал об этом — в предисловии к своей единственной книге: о смирении, необходимом публикатору и комментатору. Он, публикующий, всегда лишь «технический второй». Да, без него и его труда не было бы и вот этой книги «первого», но смысл все же — именно в «первом».

Олег вернул русским читателям и многих «первых» эмигрантов, и тех, кого — по малой осведомленности — до сих пор зовут «вторым рядом».

Они теперь живы. Опять живы. Их — будем надеяться — не забудут опять, и не понадобится еще раз открывать эти русские Парижи, и те русские Америки.

Когда в нашем довольно долгом общении наступила та фаза, когда в свои права вступили — у каждого свои — медицинские новости, Олег мне написал: «... а ничего, кроме работы, и не предложить».

Ни ему, ни мне, ни нам.

Олегу досталась смерть внезапная. Олег, думаю, всегда помнил, как закончил свою жизнь В. Аллой, передавший эстафету именно Олегу.

Олег отдавал себе отчет в хрупкости этого «предполагаем жить».

Лучшее, что мы можем сделать для имени и памяти Олега, это продолжать *его*, *наше* дело, пока для этого есть силы и вера, которая была у Олега: вера в то, что это необходимо.

С.Н. Морозов

Хороший незаменимый человек

Как-то странно писать воспоминания о человеке, которого совсем недавно видел, жал руку, беседовал о делах и планах... И вдруг его уже нет с нами... Когда я узнал эту страшную новость, я не мог поверить, перечитывая много раз скорбное сообщение на сайте ИМЛИ РАН, как будто я читал о ком-то другом. И сейчас мне трудно поверить в случившееся. Для меня Олег Анатольевич остался живым.

Впервые мы встретились довольно давно, в Институте мировой литературы РАН на одном из заседаний Сектора литературы русского зарубежья, возглавляемого О.Н. Михайловым. Олег Анатольевич был приглашен на это заседание для обсуждения его статьи о Г.В. Адамовиче, заказанной ему для коллективного труда «Литература русского зарубежья». Это было, кажется, в 1994-м или 1995 г. В то время он преподавал в Литературном институте им. А.М. Горького. Статья, конечно, была принята. Уже тогда Г.В. Адамович был одним из главных героев в жизни Олега Анатольевича среди многих других писателей и критиков русского зарубежья, творчеством которых он занимался.

Дальнейшие наши встречи были редки и случайны: на конференциях, круглых столах, презентациях. В начале 2000-х Олег Анатольевич пришел на работу в ИМЛИ РАН, с 2015 г. он стал заведующим отделом «Литературное наследство». Именно с этого времени наше научное сотрудничество становится наиболее тесным и насыщенным. Незадолго до этого уже обсуждались планы подготовки нового Бунинского тома «Литнаследства». Эта идея затрагивалась в разговорах со мной еще А.Ю. Галушкиным, после безвременной кончины которого Олег Анатольевич буквально подхватил не только этот проект, но и весь огромный массив планов этого легендарного отдела ИМЛИ РАН, активизировал работу над очередными томами, в результате чего стали регулярно выходить новые книги серии.

Мы с Олегом Анатольевичем начали обсуждать структуру будущего Бунинского тома «Литературного наследства», состав материалов, которые следует в нем опубликовать в первую очередь, тип научного комментария и многое другое. В этом обсуждении нам очень помогал заведующий Русским архивом в Лидсе (Великобритания) Ричард Дэвис, с которым мы состояли в постоянной переписке. В итоге был составлен план нового Бунинского тома в четырех книгах. Даже по этому плану было видно, сколько еще неизвестных материалов И.А. Бунина ждут исследования и научной публикации. Однако для этого необходимо было прежде всего исследовать «парижский архив» Буниных.

Благодаря отзывчивости и любезности Р. Дэвиса, который организовал коллективную рабочую поездку в Лидс, нам удалось познакомиться с эмигрантским архивом И.А. Бунина. Эта поездка состоялась летом 2016 г. В Русском архиве в Лидсе наша группа (О.А. Коростелев, Т.М. Двинятина, Е.Р. Пономарев и автор этих строк) работала почти месяц. Бунинский архив очень большой и разнообразный, но нам удалось, опять-таки с постоянной и всесторонней помощью Р. Дэвиса, познакомиться с необходимыми материалами этого уникального собрания для дальнейшей работы над новым Бунинским томом «Литературного наследства», для продолжения моей работы над «Летописью жизни и творчества И.А. Бунина» эмигрантского периода и собрать материал для научного комментария к публикуемым документам.

На огромных столах читального зала постепенно появлялись архивные материалы И.А. и В.Н. Буниных. Мы распределили различные виды работы между собой и полностью погрузились в исследование этого огромного массива рукописей, писем, фотографий, газетных вырезок, бунинских помет на книгах и других материалов. Иногда подходили друг к другу, чтобы о чем-то посоветоваться или показать особенно удивившую деталь в документе. Иногда собирали консилиум, чтобы прочесть зачеркнутое слово в автографе или посоветоваться о том, кто запечатлен на фотографии.

Помню, как-то вечером, уже заканчивая работу в читальном зале, Олег Анатольевич, занимавшийся изучением фотографий в архиве Буниных, откинулся на спинку стула и с сияющей улыбкой сказал мне:

– Здесь изобразительного материала хватит на все книги Бунинских томов «Литературного наследства»!

Мы были очень рады, что собрались все вместе и имеем возможность работать с уникальными документами эмигрантского архива Буниных. Эти материалы открывали нам многочисленные и очень важные сведения, детали, какие-то мелочи. Всё это было чрезвычайно важно для понимания личности И.А. Бунина, его творчества, его жизни, его окружения.

В Лидсе мы жили в одном доме в квартирах, предназначенных для приезжающих педагогов Лидского университета. Мы с Олегом Анатольевичем жили в одной двухэтажной квартире. По вечерам за ужином все часто собирались у нас на первом этаже в гостиной. На этих вечерних «заседаниях» обсуждались научные планы, идеи, появлялись сюжеты для новых исследований и публикаций; было место и непринужденным разговорам на самые разные темы: история, культура, кино. Были и шутки, и анекдоты, которых Олег Анатольевич знал много. Его заразительный смех и шутки помогали в нашей напряженной работе. Засиживались иногда допоздна. Во время таких вечерних «собраний» появлялись идеи новых проектов для подачи заявок на грант в научные фонды, тут же ночью писались тексты этих заявок.

В выходные дни, когда архив был закрыт, мы всей группой путешествовали — Лондон, Линкольн, Йорк, Ливерпуль... С большим интересом осматривали и исторические музеи, и картинные галереи.

Многие отмечают некоторую закрытость и даже надменность Олега Анатольевича. Однако это было обманчивое впечатление. Хочется сказать очень коротко: Олег Анатольевич был хорошим и отзывчивым человеком. На моей памяти немало случаев, подтверждающих это. Он всегда приходил на помощь, умел успокоить, поддержать, объяснить, научить.

Как-то надо было срочно вносить правку в верстку выходящей книги, но не на бумаге, как я привык, а в компьютере, прямо в PDF. Обсуждая этот вопрос в кабинете у Олега Анатольевича, я откровенно признался, что не умею этого делать. Олег Анатольевич совершенно спокойно повернулся к своему рабочему компьютеру и быстро научил меня и наглядно показал, как пользоваться этой очень удобной программой. В другой раз мне надо было заказать такси, чтобы увезти из института авторские экземпляры книги, а известный мне телефон такси не отвечал. Олег Анатольевич вынул свой смартфон, вызвал мне такси, и добавил: «Платить не надо, проезд уже оплачен через мою карту». Конечно, позднее стоимость проезда я вернул Олегу Анатольевичу. Хочется подчеркнуть, что всё это делалось им непринужденно, спокойно, как само собой разумеющееся.

При всей своей кажущейся замкнутости, это был жизнелюбивый, активный, пытливый, интересующийся очень многим, открытый человек. Помню, на одной из презентаций в Доме русского зарубежья Олег Анатольевич прямо со сцены объявил, что он готов предоставить все собранные им материалы очередных томов нового Собрания сочинений Г. Адамовича, чтобы совместно их закончить для издания, т.к. у него не хватает времени. Но... отклика из зала не последовало. Олег Анатольевич мне не раз сокрушенно говорил:

— Материалов много, очень много, рук не хватает. Ведь мы всех знаем, кто мог бы это сделать, но нас очень мало и все заняты. Если Вы знаете кого-то стоящего, скажите мне обязательно.

И тут же начинал говорить о новых планах, идеях, сюжетах.

Один из последних проектов Олега Анатольевича — новая научная серия книг «Академический Бунин». Совместно был разработан план-проспект серии, два первых выпуска которой вышли недавно в свет при участии Олега Анатольевича.

Меня всегда поражала его работоспособность. Олег Анатольевич не только рассуждал о всевозможных проектах, он давал идеи этих проектов и очень часто сам их реализовывал. Хочу подчеркнуть, что реализовывал он их прекрасно.

У Олега Анатольевича были и замечательные организаторские способности. Он умел подбирать людей, создавать небольшие коллективы, чтобы реализовывать те или иные научные проекты. Да, нам сейчас очень горько

думать, сколько Олег Анатольевич не успел сделать. Но когда просматриваешь его библиографию, то поражаешься, сколько он все-таки успел — и всего за последние 20 лет — наиболее активный и насыщенный период его научно-исследовательской деятельности. Он был профессиональным комментатором архивных документов, историком литературы русского зарубежья, библиографом, но также он был и замечательным редактором. Масштабам его эрудиции мне всегда приходилось только удивляться. Совершенно справедливо говорили коллеги, что О.А. Коростелев — это человек-институт, в прямом смысле — незаменимый человек.

Еще хотелось бы сказать о том, что Олег Анатольевич был книжником, он очень любил книгу, собрал не одну библиотеку, трепетно относился к подготовке каждой книги, ее редактуре, корректуре, ее оформлению (внутреннему и внешнему). Полный редакционно-издательский процесс мы прошли с ним вместе при подготовке к печати 1-й книги 110-го тома «Литнаследства» «И.А. Бунин. Новые материалы и исследования». И мне пришлось еще раз убедиться, с каким высоким профессионализмом, тщательностью и скрупулезностью всё делал Олег Анатольевич, вникая в каждую мелочь, многократно обсуждая важные детали и нюансы книги. Хочется отметить тактичность Олега Анатольевича. Он всегда умел вести обсуждение в спокойном русле, даже если мы о чем-то спорили. Когда надо было решить какой-то вопрос, он не указывал, а мы советовались друг с другом и в итоге приходили к согласованному решению.

Последний раз мы мельком увиделись в институте 12 марта, кратко поговорили о насущных делах. Последнее письмо от него я получил 14 марта, это был сжатый и точный ответ на мой вопрос об одном псевдониме.

Не хочется говорить никаких громких слов, как это никогда не делал и Олег Анатольевич, а надо теперь нам всем спокойно, сосредоточенно, методично и целенаправленно продолжать работать. Надо закончить начатое и продолжить осуществлять задуманное. Для фундаментальной науки и в память настоящего ученого и хорошего человека — Олега Анатольевича Коростелева.

Е.Р. Пономарев

Олег Анатольевич Коростелев

Он пришел в академическую историю литературы, имея за плечами немалый журналистский опыт, учебу и работу в Литинституте. Известно, что думают в академических кругах о такого рода кадрах — «легкость в мыслях необыкновенная». И чаще всего не ошибаются. Но в случае Олега Коростелева это было в корне неверно. И академические круги быстро признали его своим.

От журналистики он унаследовал стремление к точности факта (и название «Литературный факт» появилось не от любви к Тынянову и русскому формализму — все это он как раз не любил, — а от журналистского уважения к факту как таковому), невероятную работоспособность (умение писать когда надо и сколько надо) и профессиональную меткость глаза (просматривая архивные материалы, он уже видел новые публикации, мысленно распределяя документы по группам и рубрикам).

Олег Коростелев стал идеальным типом классического публикатора. Желание опубликовать все то, что есть неопубликованного в архивах, иногда вызывает иронию, но приходится признать: именно оно движет вперед филологическую науку. К примеру, это утопическое стремление неожиданно дает ответы на историко-литературные вопросы, которые ранее казались неразрешимыми. Олег Анатольевич за свою не слишком долгую публикаторскую карьеру — чуть более 25 лет (формально библиография его литературоведческих работ начинается с 1991 года, первая републикация статьи из эмигрантской периодики датируется 1993-м, этим же годом датируется первая публикация неизданных текстов — четырех писем Бунина) — издал множество писем и документов, чуть менее художественных произведений и разного рода литературных памятников. В середине декабря 2019 года мы вдвоем работали в архиве Иллинойского университета; по пути из архива в гостиницу обсуждали замыслы публикаций, которые только что родились в уме и по Бунинскому проекту, и по его проекту, связанному с творчеством Мережковского и Гиппиус. Он просто сыпал идеями. Прожектов у него всегда было много больше, чем осуществленных замыслов, но и количество осуществленных за четверть века проектов поражает. От небольших публикаций в составе сборников он перешел к отдельным книгам, от книг — к изданиям в нескольких томах. В последнее десятилетие он мыслил уже книжными сериями. Так работает не исследователь, а научный институт.

Его мастерство комментатора оттачивалось годами. Если в начале 2000-х он еще мог позволить себе опубликовать мемуары Романа Гуля с минимальными примечаниями, дав вместо комментария персоналий развернутый указатель имен с большими лакунами (это решение, думаю, продиктовала его страсть публикатора — стремление напечатать в России этот важный текст, не тратя времени на требующийся огромный комментарий), то в последние десять лет (годы интенсивной работы Бунинской группы) его комментарии поражали лаконичной полнотой. Никто другой не мог поправить чужой комментарий так, как он, — исчерпывающе точно. Расскажу лишь один случай. Готовя к печати шуточное стихотворение Бунина (И.А. Бунин. Новые материалы. Выпуск 2 / Сост. О. Коростелев, Р. Дэвис. М., 2010), я запнулся на фразе «Даже “наш Вышинский”, Сирин, / Колчаковское дитя». Почему Владимир Набоков (Сирин) — «наш Вышинский» и «Колчаковское дитя», я никак понять не мог. Олег Анатольевич разрешил мое сомнение в первой же редакции: «Это другой Сирин, фамилия настоящая, — написал он мне. — Только служил он не у Колчака, а у Деникина». И все стало на свои места. Его знание русской эмиграции (не только литературной) — имен, биографий, взаимоотношений, включая самые мелкие подробности — по-настоящему удивляло.

Обычно публикаторы от Бога скептически смотрят на исследования в области поэтики. Олег Анатольевич тоже поэтикой не баловался: это была сфера для него темная. Слишком субъективная, без «сухого остатка». Однако в отличие от нескольких других известных мне «архивных юношей» разного возраста, рассуждения о поэтике слушал внимательно и доклады о поэтике (как доклады «ни о чем») не осуждал. Мою монографию о поэтике Бунина Коростелев без тени сомнения включил в план серии «Академический Бунин». А в Иллинойсе за ланчем я вдруг услышал от него серьезные рассуждения о поэтике Зинаиды Гippiус, основанные на статистическом анализе лексики. Статистика была не его, а выводы по поэтике — похоже, его собственными.

И вообще — не был он сух и замкнут, как положено публикаторам. Первые наши встречи, еще в 2000-е, обычно случались на метро «Сокол». Он выходил из редакции журнала XXL на бизнес-ланч, мы пили пиво и обеды в каком-то кабачке, обсуждая не только бунинские публикации, но и захватывающие сюжеты из истории эмиграции, на основе которых можно было писать авантурные романы. По-настоящему сдружились мы с ним лишь в последние годы во время архивных командировок (в Париже в 2017 году почти не расставались две недели: жили в отеле «Истрия» в соседних номерах, разговаривали вечера напролет, либо гуляя по Монпарнасу, либо сидя у него или у меня; в 2018 году целый месяц провели вдвоем в Америке — первые полторы недели в приятной компании Андрея Бабикова; в декабре

прошлого года в последний раз — десять дней жили рядышком в Чикаго и Урбана-Шампейн, не расставаясь с завтрака до ужина). Пожалуй, первой поездкой такого рода, когда Олег Анатольевич стал раскрываться не только в профессиональном плане, был месяц в Англии в 2016 году, организованный Ричардом Дэвисом для четверых буниноведов. Мы жили в соседних квартирах на кампусе Лидского университета — Коростелев, С.Н. Морозов, Т.М. Двинятина и автор этих строк. Вечерами вместе ужинали, обсуждали кино, литературу, музыку и все на свете. Тогда же составили первый большой грантовый проект по Бунину. Олег Анатольевич был душой компании. Он цитировал песни Высоцкого и советские фильмы, показывал неизвестные нам выпуски «Фитиля», обсуждал современное кино (особенно любил сериалы), а в Национальной галерее Лондона оказалось, что живопись Возрождения ему тоже хорошо знакома. Только в театр я никогда не мог его затащить. В Парижскую оперу и на Чикагский филармонический оркестр ходил один, он оставался дома. Последний раз сказал: если бы исполняли Мусоргского, я бы пошел. Так и не узнаю теперь: это отговорка или какая-то особая любовь к автору «Хованщины». Он и в кино, и в живописи по-настоящему ценил очень немногие вещи.

Коростелев был очень веселый человек — остроумец, любивший не только свои, но и чужие шутки и помнивший столько анекдотов и прибауток, что рассказывать ему новый анекдот надо было с осторожностью: в половине случаев он его уже знал. Он замечательно вкусно сквернословил — напоминая в этом плане Бунина. А как он ярко и зло ругался в Шереметьево, обнаружив, что на чемодане сломан замок (нам объяснили, что причина — бдительность нью-йоркских спецслужб)! Он много рассказывал о сибирской юности — и каждый раз очень смешно. Его приятели по Новосибирску, которых я никогда не видел, надежно вошли в наш круг общения. В Париже больше всего любил рестораны, а в Америке повторял, что время обеда — святое. Он действительно знал толк в еде — лишь в самое последнее время ему вдруг все стало нельзя. Хотя еще в декабре он делал исключения: в Чикаго мы нашли место, где изумительно готовили мясо. А о выпивке в последние годы повторял: «Я ушел из большого спорта». Я недавно пошутил, что Коростелев сначала бросил пить, а теперь бросил есть. Ему, кажется, понравилось. Кто ж знал, что все так быстро и глупо закончится! Никто, наверное, включая его самого.

Он очень любил жизнь и умел жить. Таким мы его и запомним — никогда не унывающим человеком, знатоком эмиграции, ярким лектором и докладчиком, неустанным сочинителем научных проектов, блестящим собеседником, в доску своим парнем.

С.Р. Федякин

ПАМЯТИ ОЛЕГА КОРОСТЕЛЕВА

В первый раз я его увидел в 1989-м, на кафедре в Литинституте. Высокий, худощавый, в сером костюме. Соломенные волосы (тогда — длинные). Оба мы были «начинающие преподаватели». Вместе вели семинары по литературе русского зарубежья (лекции по этому курсу читал он), «пересекались» и на семинарах по современке. Помню его фразу (мы были едва-едва знакомы) в коридоре верхнего этажа основного корпуса:

— Взять кого-нибудь из них, — имелись в виду пока ещё мало известные, но интересные авторы русского зарубежья, — и заняться по-настоящему!

Он занимался Георгием Адамовичем во всех его ипостасях, я «выкапывал» из периодики Николая Бахтина и Константина Мочульского.

Общение наше началось и шло под знаком «просветительства». Когда-то восхитили нас писатели русского Парижа, русского Берлина, их издания. Хотелось познакомить с ними всех. Особенно заметна была наша общая привязанность к парижскому «Звену». Оттуда извлекали мы не только Адамовича, Бахтина, Мочульского, но и Бицилли, «франнего» Вейдле, Святополка-Мирского... и даже менее заметные имена, вроде Григория Лозинского (брата знаменитого переводчика), читали с особым «звеновским» интересом. У Олега было множество папок с газетными ксероксами, у меня компьютер. Когда компьютер появился и у него, я уже обзавелся сканером. Отдельные страницы из его ксероксов (частью и моих, но их было меньше) потом будут превращаться в републикации — в «Независимой газете», в «Дружбе народов», в «Литературоведческом журнале», в «Лепте», в «Русской речи»: избранные страницы полемики Ходасевича с Адамовичем, Адамович о Набокове (Сирине), Адамович о Георгии Иванове, Мочульский о Ремизове, эссе Николая Бахтина... Работали мы — то каждый со своими авторами, то вместе. Олег был «аккуратист», папки с материалами (а после — файлы на компьютере) всегда держал в образцовом порядке, библиографию вел исправно. Если её пролистать — такого рода перепечаток наберется немало.

В начале 1990-х он обитал в общежитии. Как-то раз показывал свои «драгоценности»: книги лежали штабелями. Вот двухтомник Бойда о Набокове на английском (одно время он очень увлекся столь важным противником Адамовича), вот — Святополк-Мирский, и на русском, и на английском. Интерес к Мирскому явно нарастал: Вейдле, Мочульский, даже Бахтин — они как-то «коррелировали» с Адамовичем. Мирский в эмигрантские годы был не только блестящим стилистом, он был — в глубинных своих интуициях — другой. И всё же Георгий Викторович был пока для него в центре:

— Адамович чем хорош? Изучая его — узнаешь всё русское зарубежье. Да и советскую литературу 1920–1930-х.

О современной литературе говорили тоже. Тут мы совпадали редко. Его восхищал своей бойкостью и нахальством Лимонов, изобретательностью (тогда она была заметна) — Пелевин, своим «стилизмом» Владимир Сорокин. Их упоминая, Олег произносил свои спичи так, будто со многими из них был на короткой ноге. Не верил в политические пристрастия Лимонова: «Лимон? Да ему наплевать!» Слегка морщился от «просто Марии» в пелевинском «Чапаеве», но тут же восхищался беседой бомжей: нечто философское языком «дна». Сорокин был для него наглядным доказательством, что литература себя окончательно исчерпала. Восхищение «сволочь» было у него выражением высшей похвалы. Читал реплику пелевинского Чапаева — и: «Как сделал, сволочь!» Убеждал, что Сорокин — совсем не то, что я о нем думаю, — и: «Он пишет любым стилем. Показал, что писать как Тургенев, как писали в 19 веке, — уже нельзя, что писать, как в 20-е или 30-е, — уже нельзя. Вот сволочь!» Однажды вдруг высказал соображение: «А давай сделаем диалоги о современной литературе. Писать — неинтересно, а потрепаться...»

Октябрь 1993-го принес комендантский час. Отмечали чей-то день рождения на кафедре. В тот год много пели, с ностальгическим — явно не выдаваемым — надрывом. Помню Олегов тенорок, «Три танкиста». В общем хоре особенно он нажимал на строки: «И летели наземь самураи, под напором стали и огня». Потом оказалось, что Всеволод Алексеевич Сурганов не может нормально двигаться — что-то случилось с ногами. И мы с Олегом довезли его до дому, а когда вышли из подъезда — время оказалось позднее. Кое-как успели на метро. Общежитие, кажется, уже закрылось. И от Бибирево (метро «Алтуфьевская» ещё не существовало) мы пешком топали минут сорок до моего дома. И выюга, заносившая темный асфальт, и затишье в мире (так и чувствовалось, как люди «сидят по домам»), рождали чувства невеселые. На Олега, кажется, картина эта так не действовала. Он выбрал свое дело: история литературы. А прочее было лишь тем, что «наблюдают».

Сотрудничал тогда он в глянце, чтобы заработать. Время было довольно шаткое. Но что-то он, действительно, заработал: покинул общежитие и поселился в съемной квартире. Время от времени возникало: нужно обсудить кое-какую идею. Я заявлялся к нему с дискетой или флешкой, сбрасывал материалы, он мне закачивал то, что собирал сам. Потом — маленькое застолье. Его матушка — очень приветливая — кормила двух литераторов. Олег доставал бутылку красного, в котором, кажется, кое-что понимал.

Появлялись и третьи собеседники. То изящная издательница из Новосибирска, выпускавшая чудесные научно-популярные книги, вдруг проявила интерес к Бицилли. То Евгений Кольчужкин и «Водолей» в его же лице объяснял, почему так важно было собрать книгу Эллы: «Пусть он слабый поэт. Но если в нем есть хоть капля настоящей поэзии, даже просто — тоска по ней, его обязательно нужно издать».

Коростелеву тоже были интересны все: и большие писатели, и малые, интересно и само их переплетение. Именно переплетение — прежде всего. И даже не только в далеком прошлом.

Помню его устный рассказ «в защиту Стругацких». Как одно их малодоступное в советское время произведение его знакомый взялся надиктовывать на магнитофон (размножить иначе — не успевал). Возникла картина: его приятель, включив магнитофон, читает вслух. Он заика. К тому же не может удержаться, смеётся. И на дальнем фоне в этой записи — слышен визг маленького ребёнка, его сына, которого купают в ванне. Позже, в одной из коростелевских публикаций, я увидел этот эпизод. Читался он интересней многих современных рассказов, хотя находился внутри какой-то статьи. Олег любил такие «мгновенные снимки» эпохи, со всеми их нелепостями, странностями, неожиданными поворотами. Любил вообще исторические подробности. Помню, как он высчитывал: сколько мог получать в русском Париже 1930-х сотрудник известной газеты. И сколько франков стоило ему сходить один раз в кафе. И сколько — съездить летом на юг Франции. В сущности, работа не историка литературы (узкая специальность), но историка.

Когда снимать квартиру стало делом невозможным, он перебрался в Ногинск. Разговоры случались уже реже, уже в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье». Стало меньше планов-импровизаций. Больше работ по проектам: то оцифровка «Современных записок», то оцифровка литературных журналов русского Парижа, то провалившийся проект «Русское зарубежье о русском формализме», то поддержанный «Русские в Италии». А он занимался и Ладинским, и Кленовским, и «закулисьем» «Современных записок», и Буниным, — всё архивные наработки.

В последние годы, когда он стал заместителем директора в ИМЛИ, мы виделись редко, только по «общим делам». О самочувствии он никогда ничего не говорил. Но вдруг стал избегать застолий. Вдруг выяснилось, что совсем «не пьёт». В одном из «бэфэрзешных» чаепитий (Олег, Маша Васильева, я), — речь, кажется, шла о возможном гранте, — у него в пылу разговора вылетело, что он «должен успеть»... В сущности, последние его годы — и «Литнаследство», и «Литературный факт», и «полный Адамович» (и сколько ещё дел, которые ускользают от внимания?) — были продиктованы этим «успеть».

Непоправимое всегда приходит внезапно. И сколько осталось завершённого, но неопубликованного? — И роспись «Звена». И подготовленные переписки. И недовышедший «полный Адамович».

Помнится одна его реплика, ещё из девяностых:

— Ты думаешь, что ими занимается много людей? — он имел в виду не только эмигрантских критиков, но и Георгия Иванова, и газетную эссеистику Павла Муратова, и даже эмигрантского Мережковского. — Таких единицы: я, ты, ещё два-три человека...

Заниматься — значило не «толковать» уже известное, а «раскапывать» и «добывать» неведомое. Сейчас он вряд ли мог бы повторить то же самое. И сделано до невероятного много. И что-то стоит на очереди. И все равно, человека, взвалившего на себя столько, как он, найти уже вряд ли возможно.

А.А. Холиков

**«Сугубо личное развлечение и чистый альтруизм
из любви к науке»:
О.А. Коростелев и «наш Мережковский»**

Слова Олега Анатольевича, вынесенные в заголовок, — самое точное определение того, что плотно связывало нас последние годы. Благодаря его альтруизму наше заочное знакомство, ограничивавшееся до этого телефонным общением и перепиской по разным делам, постепенно переросло в «развлечение», которым Коростелев иронично называл подготовку нового двадцатитомного собрания сочинений Д.С. Мережковского. О том, как затевалась эта работа, — дальнейшие строки. В их основе — лишь малая часть оборвавшейся переписки (остальное — предмет отдельного мемуарного очерка). Выбранные из нее места послужат *реальным комментарием*, которому, по законам этого почтенного жанра (и Олег Анатольевич владел им виртуозно), надлежит быть конкретным, компактным, безэмоциональным. Последнее — исключено. Слишком свежа утрата...

6 декабря 2014-го, по следам разговора с издателем Дмитрием Сечиным, Олег Анатольевич «в задумчивости» предложил мне подготовить том предреволюционных статей Мережковского, не включавшихся в авторские книги. С расчетом — на продолжение (а отчасти — возобновление) собрания сочинений писателя. Черновик проспекта у него уже был набросан (впоследствии мы его существенно развернули). И хотя к предыдущему изданию (в «Республике») он тоже имел некоторое отношение, было понятно, что новое собрание должно отличаться от «научпопа». Подошло время не «перетискивать» известные тексты Мережковского из-под одной обложки в другую (тиражируя типографские ошибки, опечатки и сохраняя цензорские изыятия царских времен), а проводить полную сверку хотя бы с первопубликациями (а в идеале — с доступными рукописями и авторизованными машинописями), восстанавливать купюры, готовить новые примечания и расширять старые. В условиях «катастрофического недостатка времени», отсутствия ресурсов («издательство частное, по сути хобби, все делает один человек после основной работы, причем работа эта совсем по другому профилю»), в том числе финансовых («Даже если найдется человек, который согласится выступить в роли руководителя заявки в РГНФ и собрать команду, суммы там таковы, что на собрание никак не хватит»). Обменяв-

шись друг с другом реалистическими опасениями, стали прикидывать, чем мы располагаем, договорились на первых порах собирать рассыпанные по периодике (при отсутствии полной библиографии Мережковского) статьи и решать проблему с добыванием текстов. Поручил мне «произвести разведку боем», бескорыстно заверив: «...расходы на копирование отдельных статей могу возместить сразу (просто перевести с банковской карты или как угодно еще)» — и подтолкнул задуматься над тем, «к кому бы можно было в данном случае обратиться с сакраментальным вопросом: “Третьим будешь?”». Со-участники находились с трудом («узок круг» мережковсковедов). И Олег Анатольевич разом включился в хлопоты по другим, более-менее собранным томам.

В июне 2015-го, за счет у себя же украденного летнего времени, сидел, «пытаясь добить примечания к “Тайнам” («Тайна Трех: Египет и Вавилон». — А.Х.), мучительно дополняя присланное <...> и уже начиная тихо ненавидеть Мережковского за его манеру цитирования и комментирования собственных текстов». «Там, — сообщал, — немало цитат, которые он брал бог знает откуда, и найти первоисточник крайне затруднительно (передирал отовсюду, часто путая, контаминируя, давая неверные ссылки, мог привести цитату по старому переводу, который с современным не имеет ничего общего и сейчас совсем не в ходу, либо сам перевести из разных заковыристых изданий и не сослаться, или сослаться так, что не найдешь). Египтолог и вообще лишний глаз здесь бы очень не помешал». Откровенно говорил, что «откомментировать это на 100 процентов в принципе невозможно, но хотелось бы все же сделать по максимуму и побыстрее, так что, если бы нашелся человек, умеющий обращаться с разными вариантами “Текстов пирамид”, изданиями Масперо, Лепсиуса и пр., дело бы существенно ускорилось». Комментарий ко второму трактату, составившему 14-й том Собрания, «Тайна Запада: Атлантида — Европа» «добил» (по его же словам) к началу осени и признался: «...это был, кажется, самый сложный комментарий в моей жизни. Вообще не понравилось мне комментировать трактаты, особенно позднего Мережковского, то ли дело статьи — все ясно и привычно».

Над статьями сидели одновременно, успев разыскать, сверить (внеся более сотни исправлений!), прокомментировать самые ранние и не включенные в «Вечные спутники» (вышли в 9-м томе), а также — разрозненную публицистику 1917–1918 годов (планируется в 12-й, но уже опубликована в качестве препринта). Олег Анатольевич писал, что «подумывает о создании в сети сайта рабочей группы по подготовке собрания сочинений Мережковского, такого же, как есть у группы по подготовке собрания Вяч. Иванова и др.».

Собрание, к слову, никогда не рассматривалось нами как академическое и даже «полуакадемическое» (состав томов был задуман в том формате, который представлялся «оптимальным» на сегодняшний день, главное — издать максимально полно выверенные тексты произведений с приемлемым научно-справочным аппаратом). Редколлегия (в которую Олег Анатольевич уговорил войти Е.А. Андрущенко, К.А. Кумпан, А.В. Лаврова, В.В. Полонского) постановила, что это будет «малое научное собрание сочинений». И когда теперь, после появления первых трех книг, некоторые судят о них с высоты академических «ПСС», остается недоумевать. Одно очевидно: Собрание (если ему суждено-таки завершиться) будет хоть и не совершенным, но самым корректным (в текстологическом отношении) по сравнению с предыдущими.

От аннотированного указателя Олег Анатольевич отказался сознательно: «Это штука громоздкая, геморройная и совершенно бессмысленная в данном случае — в половине аннотаций будут издательские для квалифицированного читателя записи типа “Гиппиус З.Н. — русский поэт”, а треть позиций останется без аннотаций, потому что о многих персоналиях ничего не известно. Для этого тома совершенно достаточно будет типового слепого указателя, которым можно будет прекрасно пользоваться без всяких аннотаций (время которых, на мой взгляд, давно прошло — была когда-то мода, которой все мы отдали дань, но уже к 2010-м годам они стали восприниматься как ненужное “архитектурное излишество”»).

Другим ненужным «излишеством» считал то, что вслед за У.Р. Фохтом в пору назвать «интертрепацией». Бытует мнение (небезосновательное), что ученому-филологу надлежит быть также «писателем» (С.Г. Бочаров), «смысловиком» (В.Е. Хализев). И Олег Анатольевич вряд ли бы это оспорил. Но в его литературоведении главенствовал «позитивистский» подход: факты теснили интуицию, а научное творчество укладывалось в рамки полезного ремесла. При этом погруженность в решение подсобных проблем (библиографической эвристики, эдичионной практики и т.д.) не исключала «величия замысла».

За каждым формальным (на первый взгляд) решением — выношенная мысль. От утверждения суперобложки («...для тома “О причинах упадка” хорошо бы придумать какой-то сюжет. Художник воткнул туда две иллюстрации, но сам признается, что это он с горя, и впрямь они могли бы быть уместнее. Давайте подумаем...») до выбора названий томов. В них тоже должен прослеживаться «отчетливый публицистический сюжет, по которому этапы Мережковского обычно и воспринимаются: “Грядущий хам” как предвидение, “Болезнь России” как констатация, “Царство Антихриста” как свершившийся факт». «Своеобразная эволюция, — добавлял, — хорошо ощутима, а что в Мережковском-публицисте 1900-х годов видели прежде

всего автора “Грядущего хама”, так оно, может, и не зря. Название “В тихом омуте” характеризует этот его период гораздо меньше. То же и с названием “Было и будет” — для предреволюционных и революционных лет оно не самое показательное».

От Мережковского — рукой подать до Философова. В октябре 2017-го соблазняемся на примере его статей подготовить материал для тематического номера одного уважаемого заграничного журнала о культурной политике газеты «Речь». Со временем, как всегда, «страшная запарка», но отказываться от предложения очень не хочется. Пробуем набросать что-то хотя бы вчерне («в любом случае не пропадет, а может, и успеем»). «В общем-то, — по-соавторски будит мысль Олег Анатольевич, — сюжет тут вырисовывается». И поясняет: «...“Речь”, на мой взгляд, была одним из наиболее культурных печатных органов из политических газет того времени, и Философов со стоящими у него за спиной Мережковскими тут как раз к месту. А поскольку мы возьмем только один короткий период существования газеты, последние два года, это позволит нам не замахиваться на полноту, а постараться уложиться в разумный объем, подходящий для сборника. Может быть, даже вообще ограничиться только статьей с вкраплениями цитат, если окажется, что публикация полных текстов превысит лимит. Предыстория участия Философова в “Речи” тоже интересна, у меня есть библиография его публикаций в газете с самого начала в 1908 г. и до конца, и большинство текстов скопировано, так что можно поговорить и об эволюции (как самого Философова, так и Мережковских, и “Речи”). Один из наиболее важных для Мережковских аспектов темы — религиозный, “Речь” ведь активнейшим образом освещала деятельность Религиозно-философского общества Мережковских, в котором Философов одно время был председателем. У меня как раз давно складывалось ощущение, что превращение Философова из эстета в активисты началось не в эмиграции, а задолго до нее, именно в период работы в “Речи” (в первые годы о литературе и культуре он писал чаще, а с 1914–1917 все больше на общественно-политические темы)». «В общем, — резюмирует, — на статью мыслей, тем и сюжетов набирается. Вот только я во вторник уезжаю в Париж до конца октября, и будет ли у меня там время, чтобы плотно заниматься Философовым, бог весть». В конце концов справились...

Щедрость, с которой Олег Анатольевич делился своими заготовками (отложенными до поры за неимением свободного времени), распространялась на многих. Вот редактируем мы сборник статей по следам «мережковской» конференции, и у него на ходу зарождаются идеи. Кому-то — срочно передаются карточки библиотеки Конгресса США («Если быстро наберет, можно будет дать в сборнике еще одну небольшую библиографию, типа: “Книжные издания Д.С. Мережковского: Материалы для библиографии по

собранию Библиотеки Конгресса”. Но можно и дополнить, добавив издания последних лет по сводному каталогу РГБ и т.д., тогда подзаголовок можно без упоминания о БК. Не думаю, что тут можно добиться полноты, но все основные издания мы учтем (а книги на малайском и японском все равно экзотика)); другим — тут же подкидывается мысль: «Слушайте, а может, нам в сборнике во втором разделе рядом с библиографиями и притиснуть <...> повесть “Самозванец” со вступительной текстологического характера? Сборник получится солиднее и по объему, и по содержанию. <...> ну и потом в собрание пойдет...». Сама эта мысль пришла к Олегу Анатольевичу стихийно: «Я сейчас комментирую переписку Амфитеатрова с Буниным, который страшно ругается, что Мережковский перепер “Князя Серебряного” совокупно с Мордовцевым и Всеволодом Соловьевым, наткнулся на этот текст, начал разбираться, и интересно стало». Экспромт увенчался публикацией.

Для рядовой, казалось бы, презентации того самого сборника тоже находится «сюжет»: «...хотелось бы <...> что-нибудь вроде круглого стола или собеседования в духе “Зеленой лампы”, к примеру, на тему “Философия и литература Серебряного века: тексты и жанры”. Вступительное слово для затравки я готов произнести, а собравшимся заранее предложим подумать и порассуждать над непростой проблемой жанров в Серебряном веке: Шестов, Розанов, Белый и т.д., а Мережковский как раз и был в этом деле одним из заводил. А поводом будет сборник...».

Не успели отдышаться, точнее — отчитаться по трехлетнему гранту «Подготовка первой части коллективной монографии “Летопись жизни и творчества Д.С. Мережковского (1865–1941 гг.)”», неутомимый Олег Анатольевич подстегивает: «Пора думать о новых грантах». И даже в больнице, куда его «угораздило попасть», наперекор временной недееспособности («даже вай-фая нет») продолжал обдумывать будущие проекты. А после, добравшись до компьютера и почты, молниеносно включался в присланные ему наброски: «Я посмотрел заявку, по-моему, очень хорошо придумано, пусть будет “дискурс революции”, причем не конкретно 1917 года, а революции вообще, так что можно будет говорить и о революционных идеях в отношении к религии, и обо всем прочем. Т.е. хоть прежде всего речь о русских революциях начала века, но не только». И далее — подробные комментарии, коррективы, вопросы по каждому пункту. «А вообще, — подытоживал он, — все здорово». Увы... Много, много дел осталось. Вспоминать о них — мало. Надо бы продолжать. Мое последнее письмо к Олегу Анатольевичу — с благодарностью за присланную из архива Иллинойского университета копию «Тайны Тютчева» — кончается обещанием: «Буду трудиться...». Время — выполнять...

Париж, август 2017. Фото Светланы Урбан

*Презентация журнала «Литературный факт». ИМЛИ, 2017.
Фото А. Протопоповой*

Манфред Шруба

Памяти Олега Коростелева

Любой западноевропейский славист, которому пришлось в последние лет двадцать заниматься культурой русского зарубежья, не только непременно сталкивался с многочисленными печатными работами и архивными публикациями Олега Коростелева в этой области, но раньше или позже неизбежно знакомился с ним лично, нередко затевая, проводя и осуществляя совместные проекты по эмигрантике, а бывало, и становясь его другом. Так это произошло и со мной.

В конце уже прошлого века хранитель богатейшего Русского архива в Лидсе Ричард Дэвис разбирал огромный фонд парижской общественной организации межвоенных лет Земгор, и среди его материалов нашлась часть редакционной переписки знаменитого парижского журнала «Современные записки»: девять больших скоросшивателей, содержащих несколько тысяч писем и других документов. Это была переписка Вадима Руднева, одного из редакторов, с авторами журнала, с соредакторами, а также с читателями, общественными деятелями, друзьями и знакомыми. Среди этих документов — совершенно поразительные по своей ценности материалы: письма крупнейших русских писателей — Бунина, Ходасевича, Зинаиды Гиппиус, Ремизова, Шмелева, Осоргина, Набокова, Газданова...

Составлением описи рукописного фонда «Современных записок» занялся, вместе с Ричардом Дэвисом, молодой швейцарский аспирант-буниновед Даниэль Риникер. Он вместе со своим соотечественником Ульрихом Шмидом, занимавшим кафедру славистики в Бохумском университете, где я тогда числился приват-доцентом, затеял международный проект по исследованию и публикации основной части обнаруженных в Лидсе материалов. В заявке на грант я предусматривался как главный исполнитель проекта. Немецкий Фонд фундаментальных исследований (ДФГ) обеспечил финансирование работ на два года, включая гонорары для восточноевропейских участников, средства на командировки, научную конференцию, публикацию ее материалов и основных результатов проекта.

В числе «восточноевропейских участников» оказался вполне естественным образом и Олег Коростелев как крупнейший специалист по русской эмиграции. Я познакомился с ним лично именно весной 2007 года в начальной фазе проекта, когда он приехал впервые в Бохум на рабочую встречу по разработке концепции и по обсуждению вопросов оформления публикуемых материалов и прочих подробностей.

Основной задачей группы бохумских сотрудников была расшифровка и транскрипция подлежащих публикации писем. Собранные по всему миру участники проекта, более двадцати человек, взяли на себя труд комментированной публикации эпистолярных комплексов — кто Зинаиду Гиппиус с Мережковским (Н. Богомолов), кто Ходасевича с Берберовой (Дж. Мальмстад), кто Маклакова с Бурцевым и Сватиковым (О. Будницкий) и так далее. Тексты писем предоставлялись сотрудникам в расшифрованном виде.

Роль Олега Коростелева в рамках проекта заключалась не столько в комментаторской работе (за ним числилась первоначально всего лишь публикация переписки Адамовича), сколько в, так сказать, концептуальной поддержке всего начинания, а также в координации работ, которые необходимо было провести в России. В задачи Олега входило, в частности, формирование электронной базы данных, оцифровка и размещение в интернете полного комплекта «Современных записок». С задачей он справился быстро и блестяще. Именно в ходе работ над проектом возник в 2009 году замечательный сайт emigrantika.ru — безо всякого преувеличения, один из лучших интернет-ресурсов не только по культуре русского зарубежья, но и вообще по русской словесности.

Олег стал появляться в Германии чаще. Он присутствовал и на объединившей многих участников проекта большой конференции, проведенной, как говорится, «по предварительным итогам» в сентябре 2008 года в Бохуме. Итоги были к этому времени еще очень предварительными. Объем материалов, которые мы собирались публиковать, разросся неимоверно. К «рудневской» части редакционного архива добавилась «вишняковская» часть, то есть переписка, которую вел с сотрудниками журнала другой редактор (одна часть архива Марка Вишняка отложилась в библиотеке Блумингтонского университета, другая часть в Институте Гувера в Стэнфорде).

Объем работ расширился также в связи с приобщением встречных переписок к имеющимся в редакционном архиве письмам, то есть за счет писем самих редакторов журнала к авторам, разысканных в архивных фондах, разбросанных по всему миру. Так, например, скромный десяток писем Альфреда Бема, отложившийся в архиве Руднева, в конечном итоге (вместе с письмами редакторов журнала к Бему, хранящимися в пражском Литературном архиве) превратился во внушительный корпус из 70 писем, которые и вошли в окончательную публикацию объемом в сто страниц большого формата.

Финансирование проекта немецким грантодателем закончилось весной 2009 года. Примерно в то же время из проекта выбыли оба швейцарских начинателя. Ульрих Шмид получил профессию в университете Санкт-Галлена и вернулся в родную Швейцарию; след за ним из Бохума уехал в Санкт-Галлен и Даниэль Риникер. Я же не стал подавать от собственного имени заявку в немецкий фонд о продолжении финансирования, потому что как раз к весне 2009 года получил временную профессию в Кельнском университете.

Итак, я остался с недоделанным проектом один и без средств, за исключением денег, предназначенных для оплаты издательских расходов по публикации результатов проекта. Наступило как раз время составления и подготовки к печати сборника статей-материалов бохумской конференции 2008 года. В данной ситуации я обратился к Олегу с вопросом, не хочет ли он принять на себя дополнительный труд и стать соредактором сборника статей, равно как соредактором издания архивных материалов в целом; я предупредил его, что не в состоянии вознаградить его сверх давно уже заработанного им гонорара. Олег назвал меня змеем-искусителем и сразу же согласился, несмотря на то, что нас с ним ожидала многолетняя, никем не оплачиваемая работа. Он согласился, потому что это ему было попросту интересно.

Началось время нашей продолжительной совместной работы. Сначала мы выпустили в 2010 году «нулевой» том: сборник статей-материалов бохумской конференции («Вокруг редакционного архива “Современных записок”»), обогатив его составленными нами библиографическими сводами, занявшими чуть ли не половину сборника. С 2011 по 2014 годы мы подготовили к печати и выпустили в московском издательстве «Новое литературное обозрение», по одному в год, четыре толстых тома с эпистолярием редакторов и сотрудников журнала, в общей сложности 4.500 страниц большого формата. Так возник наш «пентатеух», как мы шутили без лишней скромности.

Мы редактировали совместно присылаемые сотрудниками проекта рукописи, а впоследствии параллельно вычитывали верстку каждого из томов; сводную корректуру готовил затем я и отправлял в издательство. Кроме редактирования, нам пришлось вместе с Олегом заняться также «сверхурочной работой»: несколько крупных корпусов писем, представляющих в рамках проекта значительный интерес, оставались без научной обработки. Письма были предварительно заказаны сотрудниками проекта, поэтому и прошли стадию расшифровки, но затем были по разным причинам ими «брошены». Пришлось осуществить эти публикации нам вместе с Олегом; так, мы обработали и снабдили совместными примечаниями внушительные эпистолярии, связанные с именами Ивана Бунина, Сергея Гессена и Владимира Зензинова; работой над вступительными статьями поделились: про Бунина написал он, про Зензинова я, а в случае Гессена первую половину статьи сочинил я, а вторую Олег.

Мое замещение кафедры кельнской славистики прекратилось уже в 2010 году. Пришлось вновь влачить жалкое бездоходное существование бохумского приват-доцента. Я решил подать заявку на новый грант — разумеется, по эмиграции и, разумеется, при ближайшем участии Олега, с которым мне так великолепно работалось. Обсуждая вместе с ним возможные предметы для проекта, из предлагаемых Олегом тем я выбрал наиболее меня тогда интересующую идею составления словаря псевдонимов русского зарубежья.

Чудо грантовоздаяния произошло, впрочем, не без трудностей (экспертам, оценивающим заявки в немецкий Фонд фундаментальных исследований, нравятся, как правило, «концептуальные» проекты, «новые подходы», а не фактографические, типа справочников), и в конце 2012 года я получил сообщение о трехлетнем финансировании задуманного нами проекта, с наставлением, чтобы я не вздумал просить продления.

Мы подобрали международную команду участников нового проекта, готовых за скромную мзду просматривать периодику своих местных центров русской диаспоры и делиться с нами псевдонимными догадками и находками. Большинство участников проекта съехало в сентябре 2014 года в Бохуме на международную конференцию, посвященную псевдонимам русской эмиграции. В сборник материалов конференции «Псевдонимы русского зарубежья», опубликованный в 2016 году под нашей с Олегом редакцией, вошел и ряд библиографических трудов, в частности, составленный нами совместно обширный «Список доступных в интернете периодических изданий русского зарубежья 1917–1945 гг.».

«Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)» вышел в свет весной 2018 года в издательстве «Новое литературное обозрение». В предисловии я отмечал: «Идее создания справочника по псевдонимам русской эмиграции составитель словаря обязан Олегу Коростелеву. Мы разработали вместе концепцию словаря, определили методологические приемы атрибуции псевдонимов и детали оформления словарных записей». Разработкой концепции и методологии словаря пришлось заниматься, в основном, на расстоянии, обмениваясь мэйлами, хотя Олег не раз бывал в гостях у меня в Мюнстере или в Риме, а я у него в Москве. Вот начало его длиннейшего письма от 17 января 2013 года:

Дорогой Манфред,

число случаев, по которым мы находим устраивающее нас обоих оптимальное решение, все увеличивается, что радует.

Неплохо было бы, если бы ты уже сейчас завел файл, в который заносил наши решения, чтобы потом не забыть и упомянуть их все в той части предисловия, где будут разясняться правила отбора, подачи материала и пр.

Название предлагаю дать «Словарь псевдонимов русского зарубежья» (эмиграция гораздо более узкое определение, зарубежье нам подойдет больше, поскольку позволит включать и русские меньшинства в лимитрофах, и людей, которые себя к эмигрантам не причисляли, хотя и жили за границей, и т.д.). Криптонимы, действительно, можно рассматривать как часть псевдонимов и на этом основании в заглавие не выносить. Насчет «первой волны» надо подумать, дать ли так или проставить крайние годы 1917–1940 («первая волна» звучит более расплывчато и позволяет включать псевдонимы, употребляемые

этими авторами и в войну, и позже, что нам очень подходит, но сам термин шибко уж не академический).

Псевдонимы непишущих людей, конечно, можно включить и в общий список, но они ведь будут отличаться от остальных — ни источника публикаций не указать, ни крайних дат употребления псевдонима. На данном этапе, полагаю, в любом случае надо собирать все псевдонимы (и участников проекта просить об этом), а если в результате нам начнет казаться, что какие-то группы необходимо выделить в отдельный раздел или исключить вовсе, позже над этим подумаем, а пока надо брать все, что найдем. (Включение церковных имен непишущих иереев в общий список меня интуитивно смущает по ряду причин: во-первых, они не сами выбирали себе новое имя, им оно давалось при пострижении и совсем с другой целью; во-вторых, если начать учитывать их всех, то надо искать не в периодике, а в монастырских записях, но ведь их будет огромное количество, несколько тысяч человек по меньшей мере, едва ли многим меньше, чем журналистов, а писали из монахов лишь единицы, так что в общей массе монахов, актеров, партайгеноссе и др. пишущая братия рискует раствориться; возможно даже придется придумывать новые формы заполнения карточек, чтобы унифицировать все эти разные типы). Но пока можно собирать всех. [...]

Я ответил ему 21 января по пунктам столь же длинным мэйлом. Приведу и тут лишь начало письма:

Дорогой Олег,

спасибо за сегодняшний файл с дополнениями. Я еще не успел ответить на твое предыдущее письмо от 17.1. Действительно, надо завести «концептуальный» файл и собрать письма с соображениями воедино, чтобы потом было проще написать предисловие.

1. Название «Словарь псевдонимов русского зарубежья» мне нравится. Наверное, лучше (более научно) добавить крайние даты, чем «первой волны». В предисловии можно оговорить случаи, если эти временные рамки будут нарушаться.

2. Во включении псевдонимов для непишущих людей я не вижу никакой проблемы. Зачем ограничиваться писателями, зачем выделять художников и артистов в отдельные списки? Псевдоним есть псевдоним. Я вижу, конечно, что могут возникнуть проблемы с тем, как узнать, пользовались ли они своими псевдонимами и в эмиграции. Кое-что можно будет найти в хрониках — выступления в представлениях и бенефисах, участие в худож. выставках и т.д., и тогда можно это отметить и проставить дату. Для неписателей я бы предложил использовать в качестве записи перед «Ист.»: какие-то стандартные

формулы: «Сценический псевдоним»; «Художественный? псевдоним», «Политический? псевдоним» или что-то вроде, тогда сразу все ясно. Насчет церковных имен я не настаиваю, но я и не имел в виду всех монахов поголовно, а одних сановников, например, по словарю Нивье. Тогда, м.б., ограничимся одними пишущими? И добавим в список псевдонимов Шаховского и позицию «Иоанн» и т.д.? [...]

Еще до завершения работы над словарем псевдонимов мы затеяли новый совместный проект по русской эмиграции. Раздобыть очередной грант от ДФГ, увы, так и не удалось. Впрочем, мы оба в промежутке профессионально «поправились»: я получил в 2017 году профессиру в Миланском университете, а Олег стал в 2015-м заведомом «Литературного наследства» при ИМЛИ. Это было, надо думать, идеальное место для применения его знаний, его трудолюбия и публикаторского темперамента. «Литературное наследство» же приобрело в лице Олега Коростелева идеального заведующего.

Именно в ИМЛИ, на конференции «К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» в ноябре прошлого года, мы встретились в последний раз, а в завершение конференции поужинали в шикарном ресторане «Никита» вблизи института. Еще за два дня до роковой операции, от которой Олег больше не проснулся, мы обменялись мэйлами.

Трудно привыкнуть к мысли, что Олега больше нет.

Москва, ноябрь 2019. Фото Микелы Вендитти